

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

**В. П. Булдаков,
П. П. Марченя,
С. Ю. Разин**

Международный круглый стол
«Народ и власть в российской
смуте»: 1-я часть

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Narod_i_vlast-1.pdf

URL: <http://www.civisbook.ru>

Владимир БУЛДАКОВ, Павел МАРЧЕНЯ, Сергей РАЗИН

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КРУГЛЫЙ СТОЛ «НАРОД И ВЛАСТЬ В РОССИЙСКОЙ СМУТЕ»

1-я часть

Международный круглый стол посвящен междисциплинарному научному анализу различных аспектов проблемы взаимодействия власти и народа как двух главных агентов исторического развития России в ситуациях глобальных социальных катаклизмов, революций и смут как периодически повторяющихся системных кризисов российского государства и общества.

International roundtable discussions are dedicated to the interdisciplinary scientific analysis of various aspects of interaction between authorities and people acting as the two main agents of Russian historical development in times of global social cataclysms, revolutions and revolts as repetitive systemic crises of Russian state and society.

Ключевые слова:

народ, власть, российская смута, революция, массы, история России; *people, power, Russian revolt, revolution, masses, history of Russia.*

БУЛДАКОВ

Владимир
Прохорович –
д.и.н., старший
научный сотрудник
Института российской истории РАН
kuroneko@list.ru

МАРЧЕНЯ

Павел
Петрович –
к.и.н., доцент;
доцент кафедры философии Московского университета МВД России, доцент УНЦ «Новая Россия. История постсоветской России» РГГУ
marchenyap@mail.ru

РАЗИН

Сергей
Юрьевич –
старший преподаватель кафедры общественных наук Института гуманитарного образования и информационных технологий; координатор проекта «Народ и власть в российской смуте»
razin_sergei@mail.ru

23 октября 2009 г. в Институте социологии РАН прошел Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте». В работе круглого стола участвовали: заслуженный деятель науки РФ, д.ю.н., проф., проректор по науке Института гуманитарного образования и информационных технологий Ю.М. Антонян (Москва); к.и.н., гл. ред. журнала «Вестник архивиста» И.А. Анфертьев (Москва); к.и.н., доц. каф. социологии и политологии Московского университета МВД России Н.В. Асонов (Москва); д.и.н., проф., зав. каф. истории и политологии Российского государственного университета туризма и сервиса В.Э. Багдасарян (Москва); д.и.н., ст. науч. сотр. Института российской истории РАН В.П. Булдаков (Москва); д.и.н., проф., зав. каф. политологии Белорусского государственного экономического университета О.Г. Буховец (Минск); к.и.н., ст. преп. каф. психологии и педагогики Курского института социального образования (филиал Российского государственного социального университета) А.А. Белобородова (Курск); д.и.н., проф. В.Н. Воронов (Москва); д.и.н., проф. каф. экономической и политической истории России Саратовского государственного социально-экономического университета Е.И. Демидова (Саратов); к.и.н., доц. Самарского государственного экономического университета Ю.А. Жердева (Самара); д.и.н., доц., зав. каф. общеобразовательных дисциплин Российской академии правосудия М.И. Ивашко (Москва); д.и.н., проф. каф. истории и политологии Государственного университета управления А.А. Ильюхов (Москва); к.и.н., доц., гл. ред. журнала «Новый исторический вестник» С.В. Карпенко (Москва); д.э.н., вед. науч. сотр. экономического факультета Московского государственного университета им М.В. Ломоносова А.И. Колганов (Москва); к.и.н., доц. Курского государственного медицинского университета Е.С. Кравцова (Курск); к.и.н., главный редактор журнала «Власть» А.О. Лапшин (Москва); к.и.н., доц. Ульяновского государственного университета Н.В. Липатова (Ульяновск); к.и.н., ст. науч. сотр. Института российской истории РАН Д.В. Лисейцев (Москва); д.и.н., проф. каф. отечественной истории Университета РАО В.Т. Логинов (Москва); к.и.н., доц. каф. философии Московского университета МВД России, доц. УНЦ «Новая Россия. История постсоветской России» Российского государственного гуманитарного университета П.П. Марченя (Москва); к.и.н., доц. Московского государственного института международных отношений (Университет)

МИД России И.В. Михайлов (Москва); к.и.н. Е.В. Павлова (Самара); ст. преп. каф. общественных наук Института гуманитарного образования и информационных технологий С.Ю. Разин (Москва); к.и.н., доц. Курского института социального образования (филиал Российского государственного социального университета) Н.А. Савченко (Курск); д.ф.н., проф. Московского педагогического государственного университета, академик Академии политических наук, помощник президента Международного фонда социально-экономических и политологических исследований (Горбачев-Фонд) Б.Ф. Славин (Москва); д.и.н., проф., зав. каф. связей с общественностью МГИМО(У) МИД России В.Д. Соловей (Москва); к.ю.н., доц. каф. социальных технологий и права Самарского государственного университета путей сообщения С.В. Ткаченко; аспирант Российского государственного гуманитарного университета М.Ю. Черниченко (Москва); д.и.н., доц. Московского университета МВД России А.В. Чертищев (Москва); д.э.н., проф., гл. науч. сотр. Института мировой экономики и международных отношений РАН В.Л. Шейнис (Москва); академик РАЕН, д.и.н., проф., директор Института общественной мысли В.В. Шелохаев (Москва); д.ю.н., проф., вице-президент Гильдии российских адвокатов С.С. Юрьев (Москва).

Перед началом заседания В.Н. Воронов зачитал приветствие Комитета по образованию Государственной Думы ФС РФ, направленное в адрес участников международного круглого стола «Народ и власть в российской смуте».

Чем была вызвана необходимость проведения этого круглого стола?

Российское общество сегодня переживает очередной переходный период в своей истории. Цели, которые ставили перед собой организаторы, состояли в том, чтобы попытаться выявить общие и особенные черты системных кризисов российского общества конца XVI – начала XVII вв., начала XX в. и рубежа XX–XXI вв. Такой сравнительный анализ позволяет увидеть возможные варианты преодоления современного системного кризиса, составить некий прогноз развития страны на ближайшую перспективу.

В ходе обмена мнениями, состоявшегося после завершения дискуссии, все участники отметили, что она была полезной и

интересной, и поддержали предложение координатора круглого стола С.Ю. Разина о создании постоянно действующего теоретического семинара по проблемам отечественной истории XX в.

Сегодня мы предлагаем вашему вниманию первую часть выступлений участников круглого стола. Вторая часть будет опубликована в следующем номере журнала.

А.О. Лапшин:

Добрый день, уважаемые участники. Я рад приветствовать вас в конференц-зале Института социологии РАН. Нам, организаторам, очень приятно, что вы откликнулись на приглашение принять участие в работе круглого стола «Народ и власть в российской смуте». Вдвойне приятно отметить, что в работе принимают участие не только московские ученые, но и представители других регионов нашей страны, а также союзной Беларуси. Сам факт вашего присутствия здесь говорит об актуальности проблемы, вынесенной на обсуждение.

Позвольте мне, уважаемые коллеги, также передать приветствие от директора Института социологии, чл.-корр. РАН М.К. Горшкова. В свою очередь, мы должны поблагодарить его за предоставленную возможность провести круглый стол в конференц-зале Института.

Теперь позвольте мне сказать несколько слов по теме круглого стола. На мой взгляд, одним из центральных вопросов нашей дискуссии должен стать вопрос о соотношении понятий «смута» и «революция». Это очень сложная историческая, философская и политологическая проблема. Что такое смута? Однозначного ответа на этот вопрос, по-моему, нет.

Понятие «революция», в отличие от термина «смута», является традиционным для нашей историографии. Следует отметить что, как правило, понятие «смута» употребляют применительно к России. Великую Французскую революцию смутой не называют. А вот нашу революцию многие характеризуют посредством таких понятий, как «смута», «стихийность», «бунт», «хаос», «охлократия» и т.д. Но ведь в основе русской революции начала XX в. лежали серьезные тектонические исторические сдвиги, которые позволили в кратчайшие сроки сломать империю.

Несколько слов о современной смуте, главным итогом которой на сегодняшний день является развал Советского Союза. Я

думаю, что вы согласитесь с тем, что происходившие процессы вели к хаотизации социума. Были ли они стихийными? Да нет, конечно. Это было подготовлено, к сожалению, всеми нами. Мне хотелось бы, чтобы мы сегодня сформулировали некое представление о том, что такое «российская смута», и попытались ответить на вопрос, каковы ее важнейшие характеристики, параметры, индикаторы.

А теперь позвольте мне передать бразды правления ведущему нашего стола В.П. Булдакову.

В.П. Булдаков:

Уважаемые коллеги, мне пришлось взять на себя роль ведущего, поскольку я вольно или невольно спровоцировал этот круглый стол. Имеется в виду моя скромная книжка «Quo vadis? Кризисы в России: пути переосмысления», изданная два года назад. Я исходил из сравнения современности и событий XVII в. Чем больше знакомишься с материалами, относящимися к Смутному времени и Октябрьской революции, тем больше убеждаешься в их сходстве с тем, что мы пережили в конце XX в. и переживаем до сих пор.

Сложилось представление, что Россия за свою историю пережила три мощнейших системных кризиса, причем из последнего, строго говоря, мы еще не вышли. Однако такой взгляд часто встречает неприятие — в своей академической среде я с этим сталкивался. Мне думается, будет продуктивно обменяться мнениями по следующему вопросу: является ли эта теория досужей выдумкой или нет.

Я хотел бы выделить четыре блока вопросов.

Первый блок. Кризисный ритм российской истории — это миф или реальность? Является ли это особенностью только России?

Второй блок. С чего начинаются кризисы? Что они дают? Меняется ли в результате кризисов человек? Стоит ли ставить рядом в контексте российского исторического развития понятия «смута» и «прогресс»? Могу сказать, что исследователи Смутного времени совершенно четко говорят о том, что в Московском царстве ничего не изменилось. То, что было, лишь упрочилось. Недавно появилась блестящая книга «Приказная система времен Смуты» Д.В. Лисейцева. Автор показал, что в ходе смуты приказная система продемонстрировала удивительную устойчивость. Мысль,

впрочем, не новая. Ее высказывали еще Н.И. Костомаров и С.Ф. Платонов. Лисейцев это подтвердил на конкретном материале.

Третий блок. Какие силы являлись главными действующими лицами смуты — элиты или массы, заговорщики или толпы? В наше время этот вопрос вызывает особый интерес. В СМИ возобладала точка зрения, согласно которой всевозможные заговорщики, масоны, темные силы только и делают, что всякий раз «переворачивают» Россию, ставят ее с ног на голову, творят с ней черт знает что. Прошу прощения за непарламентское выражение, но это действительно так.

Наконец, *четвертый*, возможно, самый важный блок. Смута и российская власть — совершенствуется ли система правления? Опыт первой Смуты показал, что власть самосовершенствовалась лишь в смысле бюрократизации. Как бы то ни было, на этот «злостный» вопрос надо попробовать ответить. Если этатизация — наиболее характерный итог всякой российской смуты, то почему?

Я хотел бы специально попросить присутствующих вот о чем. Не стоит пытаться ответить на все вопросы сразу. Давайте сосредоточимся на том, что мы лучше знаем. Лично для меня главной и единственной точкой отсчета при оценке хода исторического процесса является человек. Я пытаюсь подходить к смутам с позиций культурно-исторической антропологии. Итак, меняется ли человек в результате потрясений? Приходит ли к россиянину ощущение своей собственной значимости или, напротив, в нем укрепляется чувство собственной ничтожности, представление о себе как ничтожной «твари дрожащей»?

В.Д. Соловей:

Я буду рассматривать обозначенные вопросы сквозь призму макроисторической социологии. К сожалению, нашим историкам она мало известна. Между тем, ее можно применить к российскому материалу. В первой моей монографии «Кровь и почва русской истории» имеется раздел, посвященный сравнительному анализу русских революций. Вторая монография «Несостоявшаяся революция» содержит специальную главу, посвященную анализу современной революции, начавшейся в 90-е гг. и продолжающейся до сих пор.

Я не сторонник поиска за термином «смута» специфически российского содер-

жания. Какая разница между смутой и революцией, смутой и крестьянской войной, смутой и бунтом? Не более чем терминологическая! Если говорить предметно, то первой русской революцией с потенциалом «великой» была Смута XVII в. Почему она вошла в историю как смута, а не как революция? По очень простой причине — эта революция не победила. Мятеж, который не кончается удачей, называется мятежом. Эта революция типологически прекрасно вписывается в волну революций и войн, прокатившихся на заре Нового времени по всей Европе. Тем более если взять критерии новейшей теории революций и приложить их к Смуте начала XVII в., окажется, что они вполне годятся для ее описания. За исключением одного момента. Речь идет об отсутствии четко артикулированных идеологий. Хотя протоидеологии в Смуте начала XVII в. присутствовали.

Если говорить о смуте начала XX в., то я не сторонник того чтобы разделять Февраль и Октябрь 1917 г. Это, без сомнения, две волны единого революционного процесса. В чем характерная особенность большевистской революции? Это была не просто системная революция, это была Великая революция. Таких революций в мире две — Великая Французская революция и Великая большевистская революция. Я имею в виду великих по глобально-историческим последствиям, по масштабам влияния. Это революции, в полном смысле слова изменившие мир.

Как в теории революции решается вопрос о соотношении элиты и масс? Да очень просто. Революция всегда сопровождается массовой мобилизацией. Эта мобилизация может быть успешна только в случае, если возникает союз между массой и частью элиты. То есть, необходимо еще одно условие — раскол элиты.

Самый интересный вопрос в контексте анализа Октябрьской революции — это вопрос о том, когда она закончилась. На мой взгляд, большевистская революция завершилась в середине 1930-х гг. В некотором смысле она завершилась даже позже, после Великой Отечественной войны, когда произошло окончательное примирение власти и общества.

Для меня наиболее интересна последняя

революция, начавшаяся на рубеже 80–90-х гг. Она подпадает под все функциональные определения революции, существующие в макроисторической социологии. Эта революция также была системной, но не стала великой. По масштабам влияния она ограничилась пределами Советского Союза и мировой социалистической системы. Тем не менее в ее ходе была изменена не только политическая надстройка, но и вся система социальных отношений в целом. Встает тот же самый вопрос — завершилась эта революция или нет. Думаю, нет. На сегодняшний день нет массового притяжения статус-кво, нет эффективной, компетентной власти. Кстати, надо заметить, что революция в минималистском варианте заканчивается тогда, когда создаются более жесткие системы социального контроля, нежели ранее существовавшие. Пока мы не можем это констатировать. В общем, эта революция не завершилась. Другое дело — последует ли новая ее волна. Здесь я настроен скептически. И не потому, что считаю, что Россия исчерпала лимит на революции.

Одним из важнейших условий актуализации потенциальной революционной ситуации является мобилизация демографической, биологической силы. Любой революции нужен демографический, биологический подъем. Так было и в Смуте начала XVII в., так было и в начале XX в., когда доля молодежи в возрасте до 20 лет составляла 48% населения Европейской части России. Любая революция требует некоторой доли молодых людей. Дж. Голдстоуном и другими авторами эмпирически установлено, что доля молодежи должна превышать 25%. Если она превышает 40%, то революция практически становится неизбежной. При этом необходимо учитывать, что Россия никогда не была колониальной империей и поэтому у нее не было возможности избавиться от этого своеобразного переизбытка биологически и социально активного населения. К тому же сегодня нет союза между частью элиты и обществом. Надо иметь в виду, что потенциальное недовольство весьма высокого уровня именно поэтому зачастую уходят в девиацию — в пьянство, наркоманию и т.п.